

The background of the poster is a composite image. The upper half features a close-up of a young woman with long, wavy brown hair and green eyes, looking slightly to the right. The lower half shows a man in a yellow and black tactical suit with a backpack, standing on a rocky cliff overlooking a blue ocean with white waves. In the background, there are lush green mountains and a large, translucent, crystalline structure. A bird is flying in the sky on the right side.

Таинственный квантовый остров

Александр Шaeвич

Александр Шаевич

Таинственный квантовый остров

«Автор»

2025

Шаевич А.

Таинственный квантовый остров / А. Шаевич — «Автор», 2025

Программист Катя Савина видит во снах умершую пятнадцать лет назад сестру — живую, взрослую, работающую в лаборатории на невозможном острове. Физик Пётр Ильин замечает, что его медицинский прибор, спасая жизни, создаёт трещины во времени. Морской офицер Михаил Северов наблюдает остров-призрак в северной Атлантике, который появляется только в бинокль. Троих незнакомцев объединяет загадочный код и преследование агентов Хроностражей — древних существ, которые считают альтернативные реальности ошибкой мироздания. У человечества остается семь дней до запуска Протокола Абсолютного Порядка — программы стирания всех возможных миров, кроме одного "правильного". Единственный шанс спасения — Квантовый остров, дрейфующий между реальностями. Место, где живут версии людей из стёртых миров. Включая Аню — сестру Кати из реальности, где лейкемия была побеждена вовремя. Но цена борьбы за право выбора может оказаться выше, чем готовы заплатить герои. И победа не гарантирует счастливого финала.

© Шаевич А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ПРОЛОГ: ПЕРВОЕ РЕШЕНИЕ	5
Глава 1 ПЕРВЫЕ ТРЕЩИНЫ В РЕАЛЬНОСТИ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Таинственный квантовый остров

ПРОЛОГ: ПЕРВОЕ РЕШЕНИЕ

Один миллион лет назад Планета Альтаир-4, Галактический сектор 7

Доктор Элиан Коррис смотрел на военную сводку, и его руки слегка дрожали. Не от страха – от усталости. Третий месяц без полноценного сна, третий месяц работы на пределе возможностей.

– Ещё две колонии потеряны, – сообщил генерал Вакс, его голос был ровным, но Элиан слышал скрытое напряжение. – Враг использует какое-то оружие, которое стирает целые звёздные системы. Не разрушает – стирает. Как будто их никогда не существовало.

Элиан отложил сводку и потёр переносицу. В свои сорок три года он выглядел старше – седина в тёмных волосах, глубокие морщины вокруг глаз. Война состарила их всех.

– Наши разведчики что-то выяснили?

– Они называют это "Волной Забвения". Принцип действия неясен, но результат... – генерал помолчал. – Результат в том, что мы проигрываем войну, которая длится уже пятнадцать лет.

За окном лаборатории простирался эвакуированный город. Когда-то здесь жили миллионы – учёные, инженеры, их семьи. Теперь остались только военные гарнизоны и последние исследовательские группы. Все остальные ушли в глубокий космос, подальше от линии фронта.

– Сколько у нас времени? – спросил Элиан.

– Месяц. Может, два. Наш флот держит оборону, но каждый день мы теряем корабли. А враг... враг словно бесконечен.

Элиан кивнул. Он и так знал эти цифры – изучал их каждую ночь, пытаясь найти решение, которое спасло бы их цивилизацию. И, возможно, нашёл.

Команда

Профессор Ирен Далж была на десять лет старше Элиана, но выглядела моложе. Может быть, дело было в том, что она всю жизнь занималась теоретической физикой – абстрактными построениями, которые не требовали эмоциональных затрат. А может, просто в хороших генах.

– Ты серьёзно предлагаешь это? – она смотрела на схемы, разложенные на столе конференц-зала. – Элиан, это безумие.

– Безумие – это когда у тебя есть выбор, – ответил он. – А выбора у нас нет.

Доктор Томас Рэй, самый молодой в команде, нервно теребил стилус:

– Расчёты показывают катастрофические риски. Если мы ошибёмся...

– Если мы не попробуем, через месяц нас всех не будет, – перебил его доктор Веста Кром, специалист по прикладной хронофизике. В её голосе была усталость женщины, которая потеряла мужа и двух сыновей в первые годы войны. – По крайней мере, так у нас есть шанс.

Элиан посмотрел на свою команду – семь лучших умов умирающей цивилизации. Они собрались здесь не из научного любопытства. Их привело сюда отчаяние.

– Объясни ещё раз принцип, – попросила Ирен.

Элиан активировал голопроектор. В воздухе возникла трёхмерная схема – сложное переплетение линий, узлов, векторов.

– Враг использует технологию стирания из причинно-следственной цепи. Они не убивают – они делают так, что жертва никогда не существовала. Но у этого процесса есть уязвимость.

– Какая?

– Парадокс. Если стереть причину, которая одновременно является следствием самой себя, система даст сбой. Мы создаём замкнутую временную петлю, помещаем в неё приманку – что-то, что враг захочет стереть – и ждём.

Томас поднял голову:

– А потом что?

– А потом их технология взорвётся им в лицо. Каскадный коллапс пройдёт по всей их сети стирания.

– И что с нами?

Элиан помолчал. Честность была последним, что у них осталось.

– Не знаю. Может быть, ничего. Может быть, мы тоже исчезнем. Но если не попробуем – исчезнем точно.

Подготовка

Работа заняла шесть недель. Элиан почти не спал – засыпал над чертежами, просыпался от кошмаров, в которых видел мёртвые звёздные системы. Ирен постоянно проверяла расчёты, находя всё новые опасности. Томас конструировал защитные поля. Веста программировала системы автоматического управления.

– Последние новости с фронта, – сообщил генерал Вакс во время очередного брифинга. – Потеряны ещё три сектора. Враг ускоряет наступление.

– Сколько у нас времени?

– Неделя. Максимум.

Элиан посмотрел на установку в центре лаборатории. Она была красива суровой красотой функционального механизма – никаких украшений, только чистые линии необходимости. Концентрические кольца из сверхпроводящих сплавов, центральная камера для создания временной петли, системы защиты, которые должны были уберечь их от последствий эксперимента.

Должны были.

– Мы готовы? – спросил он команду.

– Расчёты проверены, – ответила Ирен. – Риски есть, но они приемлемы в сравнении с альтернативой.

– Инженерные системы в норме, – доложил Томас.

– Программы отлажены, – сказала Веста.

Остальные трое – доктор Кейн, профессор Лось и молодой инженер Зета – кивнули. Они готовы были рискнуть всем ради шанса на спасение.

– Тогда завтра утром начинаем.

Активация

Утро встретило их сводкой о новом наступлении врага. Три флота рухнули под ударами "Волны Забвения". Враг наступал по всем фронтам.

– Они знают о нашем эксперименте? – спросил Элиан у генерала.

– Возможно. Или просто ускорили график. В любом случае – у нас больше нет времени на сомнения.

Элиан кивнул и подошёл к центральной консоли. Его команда заняла свои места. Никто не говорил – всё было сказано вчера, на финальном брифинге. Каждый знал свою роль. Каждый понимал ставки.

– Инициализация систем, – объявил Элиан.

Установка ожила. Кольца начали медленное вращение, в центральной камере сформировалось энергетическое поле. Воздух наполнился озоном и чем-то ещё – металлическим привкусом изменяющегося времени.

– Параметры стабильны, – доложила Ирен.

– Защита активна, – сообщил Томас.

– Приманка готова к размещению, – сказала Веста.

Элиан глубоко вдохнул. Приманкой была модель их главного военного штаба – точная копия, содержащая все коды, все секретные данные. Враг не сможет устоять перед возможностью стереть её из истории.

– Начинаем создание петли.

Катастрофа

Сначала всё шло по плану. Временная петля сформировалась – изолированный участок пространства-времени, где каждый момент был одновременно причиной и следствием самого себя. Приманка материализовалась внутри петли.

И враг клюнул.

"Волна Забвения" накрыла петлю, пытаясь стереть приманку из существования. Но парадокс сработал – стереть следствие, которое является причиной самого себя, было невозможно. Технология врага дала сбой.

– Их сеть перегружена! – с восторгом крикнул Томас. – Каскадный сбой распространяется по всем их кораблям!

– Мы выиграли? – спросила Веста.

Но Элиан смотрел на показания приборов с растущим ужасом. Парадокс был слишком мощным. Каскадный сбой не остановился на технологии врага – он распространялся дальше, через саму ткань пространства-времени.

– Петля расширяется, – прошептал он. – Парадокс поглощает окружающую реальность.

– Что?

– Мы создали временную бомбу. И она взрывается.

Первыми исчезли стены лаборатории. Потом – здание института. Потом – город. Материя оставалась, но информационная структура – то, что делало вещи тем, чем они были – стиралась из истории.

Не только на их планете. Через квантовую связь парадокс распространялся на соседние системы, на другие галактики. Везде, где существовала хоть какая-то временная связность.

– Сколько? – хриплым голосом спросила Ирен, глядя, как исчезает небо над ними.

– Семнадцать галактик, – ответил Элиан, читая последние данные перед тем, как приборы тоже исчезли. – Триллионы миров.

Они хотели спасти свою цивилизацию от врага. Вместо этого уничтожили семнадцать вселенных.

Последствия

Семеро выживших парили в абсолютной пустоте – всё, что осталось от процветающего мультивёрса. Они остались живы только потому, что находились в эпицентре катастрофы, защищённые остатками временного поля.

Долгое время никто не говорил. Что можно сказать после того, как ты стал причиной величайшего геноцида в истории?

– Враг тоже исчез, – наконец произнесла Веста. В её голосе не было облегчения – только пустота.

– Вместе со всеми остальными, – ответил Элиан.
– Мы можем исправить это? – спросил Томас.
– Как? Любая попытка восстановления потребует тех же технологий, которые привели к катастрофе.

Профессор Ирен парила неподалёку, её лицо было каменным:

– Значит, мы будем строить новый мультивёрс. С нуля. И следить за тем, чтобы это никогда не повторилось.

– Как?

– Контролем. Абсолютным контролем. Мы найдём каждую цивилизацию, которая приблизится к опасным исследованиям, и остановим их.

– А если они не захотят остановиться?

Элиан закрыл глаза. В его памяти всплывали лица – жена, дети, коллеги, друзья. Все стёрты из истории из-за его решения.

– Тогда мы их заставим. Любой ценой.

Трансформация

Процесс создания нового мультивёрса занял эоны. Семеро работали не покладая рук, используя остатки энергии разрушения как семя для новых реальностей.

Но каждое использование этой энергии меняло их. Чувство вины было невыносимым – они начали подавлять эмоции. Воспоминания о прошлом причиняли боль – они стёрли их. Индивидуальность мешала работе – они отказались от неё.

Постепенно доктор Элиан Коррис стал Первичным Стражем. Профессор Ирен Далж – Вторым. Доктор Томас Рэй – Третьим.

Они забыли свои имена, свои прошлые жизни, своих близких. Помнили только катастрофу и клятву не допустить её повторения.

Через миллион лет от семи учёных, которые хотели спасти свой мир, остались только семь функций в системе абсолютного порядка.

Совет

Настоящее время

Первичный Страж сидел в белом пространстве и слушал доклады. Его лицо – если это можно было назвать лицом – не выражало эмоций. Он давно отучился их чувствовать.

– Аномалия в секторе 7, – докладывал Третий Страж. – Локальная цивилизация проводит эксперименты с темпоральными полями. Риск каскадного коллапса оценивается как критический.

– Рекомендации?

– Стандартный протокол коррекции неэффективен. Субъекты проявляют высокую адаптивность.

– Альтернативы?

– Протокол Абсолютного Порядка. Полная стерилизация проблемной зоны.

Первичный Страж помолчал. Где-то в глубине своего трансформированного сознания шевельнулся отголосок древней памяти – лица людей, которых он когда-то любил.

Но отголосок был слишком слабым, а долг – слишком сильным.

– Утверждено. Протокол активируется через семь циклов.

Никто из семи не заметил трагической иронии: они собирались повторить ту же ошибку, которую совершили миллион лет назад. Уничтожить мультивёрс, чтобы спасти его.

Но на этот раз не будет ни выживших, ни второго шанса.

Семь дней до того, как история повторится.

Глава 1 ПЕРВЫЕ ТРЕЩИНЫ В РЕАЛЬНОСТИ

Северная Атлантика

Лейтенант Михаил Северов проснулся от тишины.

За двенадцать лет службы на флоте он привык засыпать под ровный гул двигателей научно-исследовательского судна "Ломоносов". Этот звук стал частью его сна – металлическое сердцебиение корабля, который был его домом восемь месяцев в году. Но сейчас двигатели молчали.

Михаил взглянул на часы – 04:17. Слишком рано для планового останова. Он поднялся с койки, натянул форменную куртку и вышел из каюты.

Коридоры "Ломоносова" встретили его приглушённым красным светом аварийного освещения. Где-то наверху слышались быстрые шаги – экипаж был в движении, но без обычной суеты. Дисциплинированно, профессионально.

На мостике он застал капитана Громова и штурмана Петрова, склонившихся над навигационным столом. Их лица в свете приборов выглядели напряжёнными.

– Что происходит, капитан?

Громов поднял голову. Михаил знал его пять лет – спокойного, уравновешенного морского волка с тридцатилетним стажем. Сейчас в глазах капитана было что-то, чего Михаил раньше не видел. Не страх – растерянность.

– Приборы сошли с ума, – коротко ответил Громов. – GPS показывает, что мы находимся одновременно в трёх разных точках океана. Компас вращается как волчок. Радар видит объекты, которых нет.

Михаил подошёл к экрану радара. Обычно в этой части Атлантики было пусто – ближайшая земля в двухстах милях. Но на экране, прямо по курсу, светилась отметка размером с небольшой остров.

– Визуальный контакт?

– В том-то и дело, – Петров указал за окно мостика. – Смотрите сами.

Михаил взял бинокль и посмотрел в указанном направлении. Ночь была ясная, луна освещала океан серебристой дорожкой. Вода была спокойной, обычной. Никаких островов.

– А теперь посмотрите в сторону на десять градусов левее.

Михаил повернул бинокль и замер.

Там, где по всем картам должна была быть только вода, возвышался остров. Не большой – может, километр в длину – но совершенно отчётливый. Скалистые берега, покрытые растительностью склоны, даже что-то похожее на здания между деревьями.

– Это невозможно, – пробормотал он.

– Вот именно, – согласился Громов. – Остров есть, но его нет. Радар его видит в одном месте, глаза – в другом. А приборы утверждают, что под нами четыре километра глубины.

Михаил опустил бинокль. Остров исчез. Поднял снова – появился, но уже в другом месте, чем был секунду назад.

– Капитан, а что если...

Звонок мобильного телефона прервал его. Михаил удивлённо взглянул на устройство – в открытом океане связи быть не должно. Но телефон настойчиво трезвонил.

– Алло?

Тишина. Потом – шум, похожий на радиопомехи. А сквозь помехи пробивался голос. Неразборчивый, искажённый, но определённо человеческий.

"...семь дней... протокол активации... остров – ключ... найди код..."

– Алло? Кто говорит?

Связь прервалась. Но на экране телефона появились цифры, горящие ярким зелёным светом:

53-18-21-9-1

Михаил хотел показать экран капитану, но телефон внезапно нагрелся в руке. Пластиковый корпус начал плавиться, металлические детали – дымиться. Пришлось бросить устройство на палубу.

– Чёрт! – Громов отскочил от дымящихся останков телефона. – Что за...

– Капитан! – в рубку ворвался радист. – У нас проблемы. Все спутниковые системы вышли из строя. GPS, связь, навигация – всё мёртво.

– А радар?

– Радар работает, но показывает чушь. То пустой океан, то целый архипелаг островов.

Михаил смотрел на дымящиеся останки телефона и пытался запомнить цифры. 53-18-21-9-1. Что это могло значить? Координаты? Код? Просто случайная последовательность?

– Лейтенант, – окликнул его капитан. – Идёте со мной на палубу. Посмотрим, что творится снаружи.

Санкт-Петербург. Гараж на Васильевском острове

В трёх тысячах километров от "Ломоносова", в промышленном районе Петербурга, физик Пётр Ильин тоже не спал. Но не потому что что-то его разбудило – он просто не ложился.

Уже четвёртую ночь подряд он работал в гараже, который арендовал для своих экспериментов. Официальная наука не понимала его теорий, коллеги считали чудаком, а университет вежливо намекал, что его исследования "выходят за рамки академических приоритетов".

Поэтому Пётр работал один, на собственные деньги, полученные от патента на медицинский прибор.

Этот прибор – его первое серьёзное изобретение – стоял в углу гаража как напоминание о цене каждого научного открытия. Устройство размером с чемодан, способное предсказать инсульт или инфаркт за шесть часов до приступа. Спасло уже тысячи жизней по всему миру.

Но каждое спасение сопровождалось странностями.

Пётр записывал их в специальный журнал: временные аномалии рядом с работающим прибором, искажения восприятия времени у медперсонала, иногда – появление людей в больничных коридорах, которых никто не видел кроме одного-двух свидетелей.

Сначала он списывал это на переутомление, стресс, побочные эффекты электромагнитного поля. Но аномалии следовали чёткому паттерну. И Пётр начал подозревать: каждый раз, когда прибор предотвращал смерть, он создавал микроскопическую трещину в структуре времени.

Трещину между тем, что должно было случиться, и тем, что случилось на самом деле.

Новый прибор, над которым он работал, был предназначен для изучения этих трещин. Если его теория верна, устройство сможет не только обнаружить темпоральные аномалии, но и установить с ними контакт.

– Ещё один тест, – пробормотал Пётр, включая систему.

Установка ожила. Концентрические металлические кольца начали медленное вращение, в центре замерцал странный кристалл – единственный в своём роде минерал, найденный в уральской экспедиции два года назад. Его кристаллическая решётка нарушала все известные законы симметрии.

Пётр активировал сканирующий импульс.

И мир вокруг него изменился.

Воздух стал плотнее, насыщеннее. Звуки приобрели дополнительные обертоны. А в углу зрения замелькали тени – не отбрасываемые предметами, а существующие сами по себе.

На экране монитора появились волнистые линии – визуализация темпоральных искажений. Но эти линии складывались в узор, слишком правильный для случайности.

Почти как письменность.

Пётр наклонился к экрану, пытаясь разобрать "послание", и в этот момент его телефон завибрировал. Входящий звонок от неизвестного номера.

– Алло?

Шум помех, а сквозь них – голос:

"...время заканчивается... семь дней до протокола... ищи остров... код 53-18-21-9-1..."

– Кто это? Откуда вы знаете про мои эксперименты?

Но связь оборвалась, а телефон начал дымиться. Пётр едва успел отбросить его в сторону, прежде чем устройство расплавилось, оставив на бетонном полу обугленное пятно.

Однако перед тем как погаснуть окончательно, на экране телефона ярко вспыхнули те же цифры: 53-18-21-9-1.

Пётр посмотрел на свой прибор. Кольца медленно останавливались, кристалл тускнел. Но на мониторе всё ещё светился узор из темпоральных волн – узор, который теперь казался ему посланием от кого-то, кто умел говорить языком искажённого времени.

Он сделал скриншот секунду до того, как монитор погас.

Квартира на Средней Подъяческой улице

Этажом выше, в своей небольшой квартире, программист Катя Савина сидела за компьютером и анализировала данные.

Не рабочие данные – записи собственных снов, которые она вела уже три недели. Как программист, она привыкла искать паттерны в хаосе, находить логику в кажущейся случайности. И её сны определённо содержали систему.

Каждую ночь она видела один и тот же "сервер" – остров, который знала до мелочей, хотя никогда там не была. Серебристые пляжи, деревья с листвой невозможных оттенков, архитектура, которая росла как живой код.

В снах присутствовала система координат – не географических, а каких-то других. Числовые последовательности появлялись на стенах зданий, в узорах листвы, в отражениях на воде. Катя просыпалась и записывала их, пытаясь найти алгоритм.

53-18-21-9-1 – эта последовательность повторялась чаще других.

Но больше всего её интриговали "утечки данных" – моменты, когда в сны проникали фрагменты из реальности. Или наоборот – элементы снов появлялись в дневной жизни. Звуки, запахи, иногда – отблески движений на периферии зрения.

И образ Ани.

Не прямое присутствие сестры – это было бы слишком просто для принятия. Скорее, отголоски: детский смех в пустых коридорах сна, знакомый силуэт, исчезающий за поворотом, ощущение, что кто-то зовёт по имени голосом, который она помнила с детства.

Катя относилась к этому аналитически. Может быть, психика таким образом обрабатывала старую травму? Может быть, стресс на работе активировал подавленные воспоминания?

Но были детали, которые не укладывались в психологическое объяснение.

В снах она видела технологии, которых не существует – установки из концентрических колец, интерфейсы, управляемые мыслью, архитектуру, которая реагировала на эмоции пользователей. Слишком сложно и последовательно для продукта воображения.

А вчера она проснулась со строчкой кода в голове – на языке программирования, которого не знала. Но когда попробовала его запустить, модифицировав под знакомый синтаксис, программа сработала и создала на экране фрактальный узор, удивительно похожий на планировку острова из снов.

Катя печатала отчёт о ночных "багах в системе реальности", когда зазвонил домофон.

– Катя? Это сосед снизу, Пётр Ильин...

Голос был знакомый. В записях снов она помечала присутствие "пользователя с правами администратора" – мужчины, который работал с той самой установкой из колец. Теперь этот голос звучал в реальности.

Утечка данных активирована, – подумала она, сохраняя файл. Пора переходить от анализа к тестированию.

– Я... да, конечно. Сейчас спущусь.

Она накинула халат и вышла на лестничную площадку. Сосед стоял у своей двери – мужчина лет сорока, в очках, с седеющими висками. В его руках дымился обломок мобильного телефона.

Тот самый человек, которого она видела во снах.

– Простите, – сказал он, заметив её изумлённый взгляд. – Знаю, выгляжу странно. Но дело в том, что... а вы меня не узнаете?

– Узнаю, – прошептала Катя. – Вы тот человек из моих снов. Тот, который работает с установкой из колец.

Теперь изумился он:

– Значит, вы тоже их видите? Сны про остров?

– И про мою сестру Аню.

– А про голос, который говорил о семи днях и коде 53-18-21-9-1?

Катя покачала головой:

– Какой голос? Какой код?

Пётр показал ей обугленные останки телефона:

– Полчаса назад мне позвонили. Неизвестный номер. Голос сказал, что времени остается семь дней, упомянул какой-то протокол и дал код. После этого телефон сгорел.

– Зайдёте ко мне, – предложила Катя. – Нам нужно поговорить.

Первый разговор

Пётр сидел в крохотной кухоньке Кати и пил чай из кружки с надписью "World's Okayest Programmer". На экране её компьютера светила картинка острова – того самого, который он видел в квантовых разломах своих экспериментов.

– Расскажите про вашу сестру, – попросил он.

Катя села напротив, обхватив кружку руками:

– Аня умерла пятнадцать лет назад. Лейкемия. Я её очень любила – она была на пять лет младше, но умнее меня. Могла решить математическую задачу, просто посмотрев на неё. Говорила, что числа разговаривают с ней.

– А в снах?

– В снах я вижу фрагменты того же мира, но с дополнительными элементами. Появляются образы, которые я интерпретирую как... альтернативные версии людей. Включая версию Ани, которая выросла. – Катя помолчала. – Как программист, я анализирую эти данные объективно. И есть закономерность: каждый раз, когда в снах появляется ваша установка в активном режиме, я вижу... разрывы. Как глитчи в коде реальности.

Пётр покачал головой:

– Я просто изучаю временные аномалии. Никого не спасаю.

– А ваш медицинский прибор?

– Откуда вы...

– В снах я видела символы, которые расшифровала как информацию о медицинском устройстве. Паттерн показывает: каждое предотвращенное событие создаёт развилку в данных. Как если бы система сохраняла альтернативные версии файлов вместо перезаписи.

– Альтернативы чего?

– Всего. В снах я вижу наложения – люди, которые должны были умереть, но выжили в одном варианте, и те, кто умер в другом. – Катя встала и подошла к окну. – А ещё там есть... назовём их администраторами системы. Сущности, которые зачищают несанкционированные изменения. Судя по символике в снах, они не терпят отклонений от базового кода реальности.

– Хроностражи, – пробормотал Пётр. – В научной фантастике есть такая концепция.

– А что если это не фантастика? Что если сны – это утечка данных из системы, которую мы не понимаем?

Пётр хотел ответить, но в этот момент воздух в кухне начал мерцать. Не визуально – как-то глубже, на уровне восприятия. Как будто реальность стала менее стабильной.

– Вы это чувствуете? – спросила Катя.

– Да. Похоже на то, что происходит рядом с моими приборами.

Мерцание усилилось. А потом в центре кухни начала формироваться фигура – прозрачная, неустойчивая, но определённо человеческая.

Высокий мужчина в странной одежде, которая переливалась, как вода. Его лицо было спокойным, но в глазах читалась срочность.

– Наконец-то, – сказал он голосом, который звучал одновременно очень близко и очень далеко. – Я пытался связаться с вами уже три дня.

– Кто вы? – спросил Пётр.

– Человек из того времени, которое может никогда не наступить. Меня зовут... – фигура заколебалась, – ...это сложно перевести. Можете называть меня Хранителем.

– Вы из будущего?

– Из одного из возможных будущих. Того, где хроностражи не смогли осуществить свой план.

Катя шагнула вперёд:

– Какой план?

– Протокол Абсолютного Порядка. Они собираются стереть все альтернативные реальности и оставить только одну – ту, которую считают правильной. У них есть на это семь дней.

– А мы что можем сделать?

Хранитель протянул руку, и в воздухе появился светящийся символ – сложная фигура из переплетённых линий.

– Найти Квантовый остров. Код 53-18-21-9-1 – это координаты доступа. Не географические, а темпоральные. Остров существует между реальностями, и там есть то, что поможет остановить протокол.

– Что именно?

– Центр всех альтернатив. Место, откуда можно изменить саму природу времени. Но добраться туда можно только втроём.

– Втроём?

– Вы, – Хранитель посмотрел на Петра, – создаёте мосты между мирами. Катя видит то, что скрыто от других. А третий...

Фигура начала растворяться.

– Третий уже ждёт вас. На корабле в северной Атлантике. Найдите Михаила Северова. Он видел остров собственными глазами.

– Подождите! – крикнула Катя. – Моя сестра... она действительно там?

– Одна из её версий, – ответил исчезающий голос. – Та, которая не умерла. Та, которая выросла в мире, где лейкемия была побеждена раньше.

И он исчез, оставив после себя только слабый запах озона и ощущение, что время действительно заканчивается.

Решение

Катя и Пётр сидели в тишине, переваривая услышанное. За окном забрезжил рассвет – обычный петербургский рассвет, серый и неспешный. Но мир уже не казался обычным.

– Вы ему верите? – спросила Катя.

– Не знаю, – честно ответил Пётр. – Но у нас сгорели телефоны после звонка с тем же кодом. В вашу квартиру материализовался человек из будущего. А мои приборы действительно создают временные аномалии.

– И что теперь?

Пётр встал и подошёл к окну. Внизу, во дворе, обычные люди шли на работу – клерки, учителя, продавцы. Они не знали, что где-то в другом измерении решается судьба всех возможных версий их жизней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.